

Василий Верещагин

**Федор Викторович
Немиров. Мастеровой**

Василий Васильевич Верещагин Федор Викторович Немиров. Мастеровой

Аннотация

«Здесьней губернии, Вологодской губернии, батюшка, из самого города, мещанин природный, даже цеховых дел мастер, можно назвать, – Федор Викторович Немиров, имя и фамилия, и отчество. Семья была 5 человек: 4 брата и одна сестра. Семейство, теперяча, примерно сказать, кормилось – как мой-то отец, он был столяр, коностасник, в храмы иконостасы делал и пропитывал тем семейство...»

Содержание

**Василий Верещагин
Федор Викторович
Немиров. Мастеровой**

Из книги

*«Иллюстрированные
автобиографии нескольких
незамечательных
русских людей»*

Здесьней губернии, Вологодской губернии, батюшка, из самого города, мещанин природный, даже цеховых дел мастер, можно назвать, – Федор Викторович Немиров, имя и фамилия, и отчество. Семья была 5 человек: 4 брата и одна сестра. Семейство, теперяча, примерно сказать, кормилось – как мой-то отец, он был столяр, коностасник, в храмы иконостасы делал и пропитывал тем семейство.

Старший брат был образован столярному; уехал в Петербург, позамотался там, значит, не высылал родителям ничего. Я по этому случаю и отведен был от хозяина, от живописца, подсоблять родителям.

Когда малолетние были – стручки воровал: были у нас кирпичные заводы на поле, и тут горох был. Рабенков десять нас собралось, кое-кого, воровать. Хозяйка тут узнала меня по волосам – белые были волосы.

Пришла к родителю с жалобой, изъясняться, что вы, говорит, потакаете своим детям по чужим огородам ходить! Потом родителя рассердила она этим разговором: вот как, говорит, потакаю! И стал сечь меня без милосердия. Я не столько думал о боли от розог, как думал, что между ногами у родителя задохнусь, кровь уж хлынула у меня. Она после отнимать стала, он и ее потолкнул: я, говорит, вот как умею потакать детям, чтобы баловали у меня.

И посеи́час, где вижу горох, сеи́час в голову: «Вот почин-от мой!»

Парень хороший был, жалобы часто были: поколотить кого – это мое дело было – с жалобой ходили, и часто за это меня хлестали, прекращали мою удаль.

Особенно кутейников не любил, – вот семинаристы, иначе «семинары», мы всё прежде «кутьей» их звали. Здесь, из семинарии идут, народишко такой вздорный, мы, мещане, их не любили. Особенно, вот, в ярмарочное время, было так же, как будто война была на реке, как вроде бы этикие кулачные, которая сторона осилит; одна сторона от семинарии, другая от рыбных рядов; которая осилит, та и погонит. Полиция слаба была в те времена. Праздничные дни, мастеровым когда свободно, сначала из маленьких пойдут, после и

большие пристанут, и они из классов, от чина к чину выше придут... Было этих глупостей, сударь! Долго-то нельзя ведь, они начальство имели; всё больше наши мастеровые брали верх, и прогонят их, в семинарию, и загоним своею-то партией.

Тут в детстве тоже было. Отец послал: «Поди, Федюшка, дай подпаскам гривенник, чтобы из лошадей мне волосков надергали». Дал три копейки – для смычка, для скрипки, починивал он. Гривну я получил, мне понравилась она, новенькая еще, подумал: не отдам подпаскам, лучше сам выдерну – это в уме и держал сам. Увидел некованого жеребца, стрижку еще, и стал дергать из хвоста; он меня и лягнул; аршина два отлетел от его и успел ведь выдернуть волосы, только в колено, в левую ногу он попал; кабы я дальше стоял, убил бы меня. И теперь вся левая сторона болит, сказывается. Страдал, а родителю не поведал – он бы высек меня!

У Бориса Егоровича Монахова обучался живописному; семь месяцев рисовал только азбуку, значит, зеницы ока; и до всего человека вырисовывал фигуры карандашом, за краски не принимался; последняя фигура оставалась, зады человека вырисовать, и ее не вырисовал.

От бога не утаишь, теперяча, но от вас могу утаить; однако, хочу я сказать, отчего я сделался столяром: у хозяина, теперяча, вышпаклеваны были шесть икон, под живопись, приготовлены были, и я сейчас на печку поднял эти деки, чтобы они скорее сохли, а их и разорвало с концов-то верш-

ков около 4-х, по стругам-то!

Случилось на масленой неделе¹. За 90 верст от Вологды естя волость Шуйская, где хозяин жил. Я увидел свою беду – неизбежная гибель от хозяина будет, попало бы на орехи! Никому не сказал и сейчас сходил в одно место, узнал, что в Вологду едут, и стал просить у хозяина увольнения на масленичной неделе отпустить меня к родителям, даже поклонился в ноги, и он отпустил меня с удовольствием. Я, значит, собрал деки с печки и заставил, чтобы никто не видел этого моего греха, и уехал в Вологду, в гости, отпущен был. Высекли бы меня за такое недосмотрение, на такой жаре поставить!

Приезжаю домой, родители заплакали и тот, и другой, не выдаючи семь месяцев. Мать покойная, теперяча, говорит отцу: «Виктор, ты ведь пропитывал семейство! Один сын замотался, по миру не пустил; мне жаль его отпустить, пускай дома работает?» Отец согласился, а я давай стараться помогать ему. Следовало бы мне задницу высечь, а не только что оставлять дома. Прекраснейший был хозяин, а взнудили эти деки.

Когда, значит, нужно было, я краски приготавливал, тер на плите: крон, киноварь, шихирвейс и берлинскую лазурь, винцейскую ярь, слоновую кость, ржевский бакан – каких только колеров не требовалось, все приготавливал – полукармин и кармин тер. Ультрамарину только не имел в руках и не

¹ ...масленая неделя... – неделя до великого поста.

знаю до сих пор, этого не держал в руках – называли дороже золота его! здесь и не было в те времена.

А кость сами жгли, эти кобылечки самыя от студени: бро- сишь в печку, и потом сгорят; сверху белое ножиком очи- стишь, эту белизну; там смолевое, совершенно как голланд- ская сажа. Конечно, оно твердо в терке, тереть ее на плите.

Хозяин говорил: «Все единственно, что слоновая кость, что эта; один и тот же скот, ту же кость имеет; обманывают, – говорит, – нас: где же столько слонов натягать, сколько ее идет в Россию!»

Слоновая кость сквозность имеет. Вот на Иосифе Пре- красном, когда он к Пентефриевой жене в спальню прихо- дит² и она хочет его в блюдо ввести и хватает к себе на по- стель, – эта история при мне писалась у Бориса Егоровича, и фигуры были вершков по 20-ти – и Пентефриева жена, и Иосиф. Этая самая верхняя одежда у Иосифа-то писалась аглицкой желчью, а светá, переломы тушевали слоновой-то костью; а на Пентефриевой жене, когда они лежали на посте- ли и обнажены были сосцы, была белая сорочка, – белилом или крымшихирвейсом.

Слоновая кость не закроеет колер, – она большую сквоз-

² ...на Иосифе Прекрасном, когда он к Пентефриевой жене в спальню прихо- дит... – Популярный библейский сюжет, связанный с младшим сыном Иакова и Рахили, проданным в рабство своими братьями. Жена начальника телохраните- лей фараона, Потифара, которому был продан Иосиф, влюбляется в него и пы- тается соблазнить. Целомудренный Иосиф вынужден бежать, оставив одежду в руках жены Потифара, оклеветан ею и оказался в тюрьме.

ность имеет; а сажа, например, замарает какую хотите краску.

Тоже, помню, в Духов монастырь семейство Спасителя, Предтечу и Божию Матерь писали. Предтеча держал голубка в руках, а Спаситель его берет от него, во младенчестве друг от друга. Эта икона при мне была писана.

Как, я не знаю, в нынешние веки, а в прежние веки жалели бумаги и карандашей для нас, мальчишек: так возьмешь, настрогаешь лучинок и сделаешь, теперяча, вроде карандашей этаких, в тряпку мокрую завернешь, и потом бросали в огонь. Сгорит эта мокрая тряпочка, и остаются эти самые головешечки этих лучинок, оне твердые, как вроде карандаша – обчистишь, и рисовали им. На бумаге неладно нарисуешь, сейчас счищаешь – и потребление малейшее было в бумаге: один лист существовал вместо десяти; неладно нарисовал, сметали уголь, опять на ней же и марашь. Хозяин не только иконы писал в храмы, но и патреты заказывали ему. Давнишняя, теперечная времена, могу и забыть, а помню, это самое, что Виплогов был – с его взяли три рубля, десять на ассигнации за патрет, это мне памятно. При нас порядились, так это в памяти.

Был у хозяина Тюрин Платон Семеныч³, да Ягодников Алексей Иваныч, мальчик был, да я; – оба академики были после, и оба теперь на праведном пути. Я один остался. После на того и на другого столярную работу я работал.

Значит, работал с отцом столярную и иконостасную работу, рамы и двери делал в дома. Мебель ничего не умели, мебель я в Петербурге научился делать. Нечаянно встретил раз хозяина на высокой галдарее: «Борис Егорович, – говорю, – сделайте божескую милость, возьмите меня, теперяча, как есть я у вас жил, и, теперяча, у меня смыслу побольше прежняго». И в ноги ему поклонился. «Нет уж, Федор, – говорит, – скоро ты за ярушками пойдешь, у тебя не тот развив в голове будет!»

Я заплакал слезно, пришел домой и бросил столярную работу, взялся за малярную, – комнаты убирать. Прежнее время по столярному делу жили за два рубля в месяц, а за три – так хорошо, а по малярному – полтора и два целковых в неделю, только на своем содержании, а содержания были дешевы. Вижу, однако, сера моя работа, захотелось попросветлиться в Петербурге. Отец отпустил меня. Прежде на извозчиках ведь, не на машине – в 19-ый день попал от Вологды. Ехал на Мочалы, Сомины, на Тифин, потом Аракчеевское

³ *Тюрин* Платон Семеныч (1822–1882) – вологодский художник, академик живописи императорской Академии Художеств.

село Грузино⁴, на Шексне, потом в Чудово и в Петербург.

В Петербурге по Лиговскому каналу против немецких бань Леонид Карлович Воронов был мой хозяин. Тоже помер теперь.

Сначала был в Петербурге, теперяча, совершенно что и не знал, куда идти. Потом бог принес нашего земляка, и он меня по вологжанам повел, которые хозяйствовали. Взял меня хозяин наш вологодский, подмастерье, работать, значит, 8 рублей в месяц; проработал у его я полтора года. Работа была простая, я не смел по хорошей идти; вижу, мне надо у мальчишки спрашивать – только и знал рамы да двери. Потом, теперяча, перешел к Гальпе (француз) на Невский проспект в дом Калугина, эту работу знающую стал делать; по-паивал водочкою, чтобы показывали бы мне, как делать мягкую работу по мебели, обойную, вот как сейчас делают, и дошел до тех же самых мастеров, теперяча, как и прочие, стал равняться.

Поживши тут, образовал себя, вздумал хозяйствовать и взял квартиру на Петербургской стороне, в доме Молина; в два окошка квартира была. Стала теснить меня полиция: зачем без свидетельства производишь мастерство, надо правское свидетельство взять, а свидетельство взять очень дорого было. Значит, я снова и поступил к русскому мастеру, вроде старшого в мастерской, и управлял 20-ю человека-

⁴ ...Аракчеевское село Грузино... – Село Грузино, резиденция Аракчеева, подаренное ему Павлом I в 1787 г., находилось в Новгородской губернии.

ми, только и знал, что расчертить работу и раздать которому что. В Гостином покупал дерево, орех и красное, сахардин – какое там заказано, фанер и толстый орех: это моя все была попечность, и потом, три года поживши, и поехал в Вологду.

Я очень попечителен был: в течение шести лет сотни две переслал родителям и сам одевался чистенько, не был в тряпках.

Водкой не заражался, значит, с позволения сказать, рюмку выпьешь где, но нет, не заражался, – попечительно жил.

Сам я вздумал побывать дома, погостить, в свое отечество захотелось, и опять думал было обратиться в Петербург, потому жизнь была очень приличная, хозяин меня любил и хотел опять к нему же ехать; даже он писал мне письма, чтобы приезжал.

А я, в Вологду приехавши, на 400 рублей ассигнации, не знаю, как на серебро перевести, и порядился иконостас у храма, от хозяина взял – Резухин был, столбовой хозяин, по храмам.

Эту работу покончил, значит, у церкви – на труды осталось.

В то самое время было влюбилась вдова в меня, попа дочка, вдовой была на 21-м году. Я у них квартировал наверху, и она стала этакия мины делать, сама задираТЬ стала; я, про себя сказать, маху не дал – стыдно и говорить! Маской-то был от господа бога доволен, много влюблялись в глупца.

Кончив работу у церкви, уехал от них в Вологду. Много

работ стали мне заказывать. Диваны всё, кресла, стулья, мягкое все. В Вологде не было совсем по этой части мастеров, с позволения сказать, я был просветитель по этой части. Значит, меня и выбрали в ремесленные старшины на 27-м году, по этому цеху, по столярному.

Тут я понабаловался и водочку пить стал, там мастеровой потчует, другой, третий. Я и просидел с водочкой-то да с товарищами 55 рублей ремесленных!

Нашлись господа, эти деньги я взял вперед, внес в ремесленную управу. Потом заработал эти и опять стал хозяйствовать. Потом и вздумал жениться, как несколько стал опправлять себя. В деревне сироту взял и, можно сказать, что была она жена мне.

Тринадцать лет только велел бог жить с ней. Я уехал к церкви, под плащаницу гробницу делать, а была здесь холера. Она изволила травы корове жать утром рано – ее и приняла холера. В больницу как увезли, так к вечеру и готова была, – мне туда на девятый день известие пришло! Лесное место, так ходака-то не было; холерное время – боялись.

Ну вот покончил это дело у церкви, приехал в Вологду и зачал винцо попивать. В работники ушел от хозяйства.

Родители уж померли, раньше хозяйки померли, а я до самой богадельни все в работниках. И людям обидно, и богу во грех: зарабатывал десять рублей и все пропивал.

Скажу вам, теперяча: Алексей Федорович Ахматов, помещик, имел село Закрышкино, в семи верстах от Вологды. Я

порядился в работники к нему и жил у его, работал, рамы в доме делал. Комнаты убирал – обоев не было – крыл колами, которую голубцом, которую белую. На голубце серебряные были сделаны, а по белой комнате – золотые звезды. Делал по нашим колерам позолотчик, был тут и жил, золотил по комнатам, отличные были комнаты!

В зимнее время я уехал домой, сами уехали из села в город – потому помещик.

Когда жили они в Вологде, женщина мне принесла армяк... 12 рублей; я и пошел поклониться к барину к этому.

Лакей и сказал: ты, такой-сякой, что дашь, я тебе скажу хорошее! Я поднести пообещал. «Барин, – говорит, – выиграл вчера 500 целковых, ты враз пришел, он тебе даст денег».

Я, теперяча, и осмелился попросить вперед, на предбудущее лето заработать.

Он ходил по комнатам, не помню теперь, свистал: «Рукавички барановые, за них денежки не заплачены»... Куражило, следовательно, что он выиграл 500 целковых.

Лакей докладывает ему. «Пошли его, – говорит, – ко мне, что ему нужно!» Я говорю: «А. Ф., к вашей милости, нельзя ли, – говорю, – сделать милость, одолжить мне 12 рубликов, – сходно очень продают армяк, – говорю, – отпустить жалко, а денег нет; я заработаю, – говорю, – на будущее лето, как я вижу у вас в предмете работа есть».

«Послушай, – он говорит, – братец, отчего тебе не дать; я вчера выиграл 500 рублей! да у кого, спроси-ка? первой-

шие, – говорит, – игроки в Вологде, – у тех 500 рублей выиграл». И подал деньги мне.

Значит, я ушел; это было около Рождества. Слышу-послышу, на масленой неделе Ахматов проиграл все село и с людьми: какая вотчина была при селе, и этим же самым людям, у которых раньше выиграл – значит, они его заманили!

Дарья Борисовна, жена его была, рассердилась, уехала в свое имение Воронежской губернии, и он, поживши на квартире без ея, надумал сам, теперяча, уехать с квартиры, не знаю уж куда, не могу хорошенько знать.

Я приходил к нему: «Алексей Федорович, я вашей милости двенадцать рублей должен, теперяча как же?»

«А вот, – говорит, – вставь ты мне во флигеля и в комнаты, – в которых он жил, – стекла, я прощаю тебя в остальном».

Я обделал все как следует быть, целковых на шесть или на семь ушло; рублях в пяти попользовался, простил он меня.

После, когда я из Петербурга приехал, годов уж это в течение шести, прихожу я в питейный дом и увидел этого самого Ахматова в лавке.

– Поднеси, брат, – говорит, – любезный, стаканчик!

Он меня признал, а у меня и в уме не было признать их. «Вы кто есть, мол, такие?» – «Я, – говорит, – помещик Ахматов». В то время не мог утерпеть не всплакать: «Неужели ж вы?» – говорю. «Я, – говорит, – Немиров, я».

Купил я, теперяча, французской водки полштофа, сам вы-

пил, в то время мне очень неслободно было, оставил остальное им: «Кушайте, мол, на здоровье, Алексей Федорович! Напередки, если где вас увижу, я благодарность помню»...

«Я, – говорит, – здесь и пребываю днем, а ночью к повару своему Никифору хожу ночевать, он у помещика живет и меня пускает ночевать». Никифор, теперяча, крепостной его, один, не знаю каким способом, остался у него.

И в прочия времена угощал его часто за старую хлеб-соль и не знаю – здесь ли он помер или где в другом месте... Прежде 65 000 давали за село, хорошо жил и водки очень мало употреблял.

Когда приехал молоденьким, на 23-м году, лакей перездразнил, как Дарья Борисовна умывалась. Оне и заплакали: «Вы в свое имение привезли меня, и ваши люди стали надо мной насмешки делать». И, значит, он его и высек немилосердно за это, – в два кнута секли кучера на конюшне.

А тут сидел в крашенинной поддевке в этакой, застал я его, как сидел в кабаке, – если и всю амуницию его взять было, она 40 копеек стоила...